ПРИЧИНЫ ПОЛИТИЗАЦИИ ИСЛАМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

С.А. Семедов

Религия всегда являлась важным фактором, влияющим на все сферы жизни общества. Уровень религиозности в мире не снижается, а на современном этапе, даже наоборот, повышается. В постбиполярную эпоху «приходится констатировать возвращение сакрального»[1]. Это касается в первую очередь ислама. На рубеже XX–XI в. ислам превратился в серьезный фактор, влияющий на политические процессы как внутри стран, так и на международном уровне. В то же время политизация ислама создает социально-политическую напряженность в мире. «Исламский ренессанс», или «исламское возрождение», началось еще в 60-х гг. XX в., после распада мировой колониальной системы. Новый импульс процессу политизации ислама придал распад биполярной системы и дискредитация коммунистической идеи как глобальной идеологии.

Ислам был рожден политикой, которая в течение всей 14-вековой его истории позволяет сохранять высокий уровень политизации этого учения, оказывая все возрастающее влияние на развитие социально-политических процессов во всем мире. Суть политического и социального значения ислама определяется тем, что он выходит за рамки обычного вероучения и представляет собой сложный общественно-культурный феномен.

Политизация религии — это процесс, в ходе которого во всех мировых религиях возникает религиозный фундаментализм самых разных толков. Мы исходим из того, что ислам как таковой политической религией не является, но активно политизируется в наше время во всем мире.

В современном мире, пожалуй, ни одна религия не привлекает столько внимания и не вызывает столько споров, как ислам. В то же время, растущая экспансия ислама вызывает опасения у государств, политиков и обывателей.

Ислам — социально-религиозная система, где верующие (умма аль-ислам) воспринимают его как основу жизни и мерило всех вещей. Простота основных постулатов этой религии делает ислам притягательным для миллионов людей по всему миру. Ислам — также комплексная система, составными элементами которой являются: система религиозных догматов — «Калам»; свод правовых, нормативно-регулятивных, социально-нравственных и экономических предписаний — «Шариат»; основы мусульманского права — «Фикх», а также сложная обрядово-культовая система.

Мусульмане живут в странах с различными географическими, социальными, политическими, экономическими и культурными условиями. Это люди многих национальностей, на основе общего языка (арабского) на основе единой Книги (Корана) в течение столетий участвовали в создании новой общей для них культуры, а также мусульманских социально-политических традиций. По мнению российского исламоведа А.А. Игнатенко, «исламский мир не является единым — не только в смысле различий в уровне социально-экономического развития, политической ориентации и т.п., но и в том отношении, что в настоящее время его судьбы и характер его отношений с внешним миром определяет внутренняя борьба трех проектов — либерального (модернизаторского), джихадистского (фундаменталистского) и традиционалистского»[2].

Ислам был и остается общей идейной основой культуры и общественного устройства мусульманских стран и регионов, он пронизывал и пронизывает все сферы их жизни, определял и определяет ее особенности. Ислам включает в себя не только правила и нормы, регламентирующие религиозно-культовую и социально-бытовую жизнь общества, в том числе поступки и действия отдельного веру-

---

[1] См.: *Тиби Б.* Является ли ислам политической религией? Возможность межрелигиозного плюрализма в условиях цивилизационного конфликта // Неприкосновенный запас. 2002. № 6 (26).

[2] *Игнатенко А.А.* Самоопределение исламского мира // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М., 2001. С. 13.

ющего. Являясь всеохватывающей универсальной системой философских и правовых взглядов, он определяет и юридические предписания мусульманского права. В связи с этим ислам, будучи, с одной стороны, сводом нормативных положений религиозного, правового, нравственного, экономического и обрядо-культового характера, а с другой — системой государственно-правовых учреждений и институтов, выступает в качестве важного элемента общественно-политической надстройки мусульманских государств.

Таким образом, в самой религиозной системе ислама чистая политика как бы скрепляет все его составляющие. Это важнейшая особенность ислама, в значительной степени отличающая его от других религий. Для миллиарда двухсот миллионов разноязычных последователей Пророка Мухаммада, включая мусульман России и бывших республик СССР, ислам, благодаря этому, не только общая религия, но и политическая сила, способствующая формированию определенного образа жизни, общей культуры и мировоззрения. Именно чисто политика в исламе, которая диктует свою волю и экономике, и военному искусству, и другим сторонам общественного бытия мусульманских народов, выходит в настоящее время на первое место в ряду составляющих элементов этой религиозной системы. В самом широком смысле, данное явление можно обозначить таким обобщающим термином, как *исламизм*, т.е. предельно политизированная составляющая религии Пророка Мухаммада.

Расширению ареала ислама способствуют глобальные процессы, в том числе демографические и миграционные. Мусульманская умма в мире вдвое увеличилась за последние 30 лет (с 500 млн в 70-х до почти 1,2 млрд в 2008 г.). Причем стран, где последователи ислама, составляют динамичное меньшинство, а в абсолютных цифрах численность исламистов исчисляется миллионами, становится все больше. В частности, мусульманское «меньшинство» в Индии составляет более 150 млн человек. По мнению российского востоковеда Г. Мирского, «поскольку ислам «больше, чем религия», мусульманская цивилизация объединяет людей, которые при всем различии менталитета и обычаев сознают свою принадлежность к некоей не только религиозной общности. Это сознание, в отличие от того, каким обладают этнические группы, не отражает общности исторической судьбы* и не объясняется этнической и языковой близостью. Оно связано с духовной и культурной традицией. Принадлежность к мусульманскому сообществу порождает особую солидарность, которая опирается не только на единое вероисповедание, но и на вытекающее из самих устоев ислама мироощущение, отношение как к отдельным людям, так и к обществу в целом, к идеям, вещам и природе. Именно это, а не сама по себе религия, позволяет говорить о существовании исламской цивилизации. И эта цивилизационная солидарность является сегодня несомненным фактом. Бесчисленные конфликты и войны между мусульманами ничего в этом смысле не меняют. Цивилизации не бывают монолитными и бесконфликтными: в двух мировых войнах прошлого столетия большинство жертв составляли люди одной и той же цивилизации, называемой иудео-христианской»[3].

Процесс политизации присущ всем мировым религиозным системам в целом. В разные периоды истории политизация религии была разной. Политизация религии — это процесс постоянный, имеющий место до тех пор, пока в обществе сосуществуют религия и политика. Однако говорить о политизации ислама в прямом смысле нельзя, так как в исламе нет разделения на религию и политику. *Ислам* — это политическая идеология, политизированная религиозная система. Мы используем данное понятие («политизация ислама») в смысле активизации ислама в политических процессах, использование ислама в политических целях...

Причины политизации ислама и ее радикализации необходимо рассматривать на разных уровнях: глобальном, региональном и на уровне отдельных государств.

Глобализация мировой политико-экономической системы подталкивает мир к поиску глобальной культуры, глобальной системы ценностей. Соответственно мусульманский мир также участвует в выработке всемирной доктрины на основе принципов ислама. Западная модель глобализации воспринимается исламским миром как «стихия, катастрофа для уммы, разрушающая религиозные

* Какие воспоминания о совместно пережитом прошлом могут быть, скажем, у жителей Египта и Бангладеш? — *С.С.*

[3] *Мирский Г.* Исламская цивилизация, исламизм и терроризм — см.: http://www.polit.ru /research/2003/12/16/mirsky.html

основы, привносящая принципы насилия в исламский мир»[4].

Ускорение политических процессов в мире привело к тому, что «США и Европа в погоне за успехом и потреблением, отражающих, по существу, архаический стиль мышления, оказались в новой зоне религиозности, характеризуемой как постхристианство»[5]. В современном западном мире суть религиозности размыта: «религиозность перестает быть фактором абсолютизации нравственности и утверждения веры в высшую справедливость, она оказывается встроенной в повседневность»[6]. Место религии в обществе все больше определяется не специфическими интересами религиозных организаций, а наложением их интересов на интересы правящей элиты, которая искусственно поддерживает интерес к религии в обществе, принимая многовековой опыт религиозных организаций по воздействию на сознание, поведение людей. Религиозность в западной цивилизации становится рациональной, дозированной и управляемой. Рецепты Запада проникают и на мусульманский Восток.

В местах пересечения политики и религии возникают «особые формы международной напряженности, искусственно раздуваемые средствами массовой информации до уровня исламофобии, ксенофобии и антисемитизма, в результате чего региональные проблемы раздуваются до уровня глобальных»[7]. Лидеры мусульманских стран неоднократно на разных уровнях выступали против однобокого представления ислама в СМИ, на сценах театров и в литературе. Так, на VI евразийском исламском съезде премьер-министр Турции, умеренный исламист Р.Т. Эрдоган выступил с инициативой о признании исламофобии преступлением против человечества, апеллируя к тому, что был таковым признан антисемитизм. Он подчеркнул, что современный европейский либерализм каждый раз «неожиданным образом исчезает неизвестно куда», если речь заходит об исламе[8].

Ислам изначально является духовно-политической идеологией, как, впрочем, любая другая религиозная система. Однако ислам в большей степени политизированная идеологическая система, чем христианство. В то же время конфуцианство, и особенно иудаизм, не менее политизированные системы, чем мусульманство. Точки соприкосновения политики и религии в этих системах такие же, как и в исламе. Таким образом, современный ислам не сводится к ритуальной практике и комплексу этических норм, а является духовно-политической идеологией. Выдающиеся современные политические деятели мусульманского мира призывали не к консервации догматов ислама, а стремились модернизировать его в соответствии с реалиями XX–XXI вв.

Мустафа Кемаль Ататюрк считал, что цель исламского государства — не возврат к средневековью, а создание современного индустриального государства, формирование гражданской идентичности. Выдающийся иранский богослов и политик Аятолла Хомейни, представляя радикальное шиитское крыло в политическом исламе, утверждал, что «ислам в целом — это политика»[9]. «Убеждение в том, что роль ислама ограничена во времени и в пространстве, противоречит основным принципам нашей веры. Наоборот, центральным положением является требование реализации на практике законов, донесенных до нас Пророком, и создание государства. Без этого мусульманский мир погрязнет в хаосе, коррупции, утратит моральную основу. Избежать столь печального развития событий можно только путем создания государства, которое будет контролировать все аспекты жизни мусульманского общества...»[10]. Конечно, мнения двух, пусть даже очень популярных в прошлом политиков, не отражают всей мозаики

[4] *Шеремет В.И., Зеленин Л.В.* Ислам и христианская Европа: экскурс в развитие взаимных представлений // Вестник РАЕН. 2006. № 2. Т. 6. С. 21.

[5] *Савельев В.Н.* Международный терроризм в системе глобальных отношений: религиозный аспект // Религиозный экстремизм и фундаментализм: справочное издание. М., 2008. С. 26.

[6] Там же. С. 26.

[7] Там же. С. 27.

[8] См.: *Ильясов Ш.* Антиисламизм — преступление против человечности. М., 2007.

[9] Цит. по: Лики Востока. СПб., 2000. С. 106.

[10] *Хомейни Рухолла Мусави.* Исламское правление // Вестник МГУ. Серия. 12: Политические науки. 2007. № 1. С. 57.

мнений мусульманских авторитетов: мы привели их как пример противоположных направлений в исламе. Однако и умеренные и радикальные мусульманские деятели признают тесную связь ислама с политикой.

На практике, на глобальном уровне, исламские государства адекватно реагируют на создание международных структур государствами Запада. Так, в 50-е гг. началась работа по подготовке и формированию структур будущего Европейского союза. В то время признанный лидер арабского мира Г.А. Насер выступил с инициативой создать Мусульманский Совет безопасности (1956), Объединенные вооруженные силы стран, исповедующих ислам, по принципу НАТО. По объективным причинам подобные идеи тогда не нашли своего практического воплощения. Однако в 80–90-х гг. XX в. появилось множество интеграционных структур — от Исламской комиссии Международного Красного Полумесяца до Исламской федерации спортивной солидарности; различные финансовые, политические и религиозные структуры. Еще раньше, в 1969 г., была учреждена самая крупная политическая структура исламских государств — Организация исламская конференция (ОИК). В качестве главной причины создания организации явились стремление мусульманских государств преодолеть последствия израильской агрессии и необходимость сотрудничества всех мусульманских государств в защите «священных ценностей религии и в первую очередь Иерусалима» На сегодня членами ОИК являются 57 государств, в том числе страны, где население, исповедующее ислам, составляет меньшинство: Камерун — 20%, Малави — 10%, Уганда — 6%[11].

Появление на мировой арене «семерки», а затем и «восьмерки» стран-лидеров, вызвало ответную реакцию мусульманского мира: премьер-министр Турции (1996–1997), он же шейх суфийского ордена Накшбендийя Нежметдин Эрбакан предложил в 1996 г. концепцию «справедливого исламского порядка». Она предусматривала создание «исламской восмерки» в составе таких мусульманских государств, как Турция, Иран, Пакистан, Египет, Бангладеш, Малайзия, Индонезия и Нигерия. Естественно, эти инициативы требовали радикального воздействия со стороны Запада на исламский мир. Повод для этого был найден: после 11 сентября 2001 г. США и Европа активизировали борьбу против исламского мира под «благородным» лозунгом борьбы с международным терроризмом.

В 90-х гг. XX в. — начале XXI в. в нескольких крупных мусульманских странах (Турция, Афганистан, Пакистан, Алжир) к власти пришли представители исламистских партий и движений. В мире в целом, активизировались исламские партии и движения, которые легальными и нелегальными методами стремятся завоевать власть. Успеху «исламского бума» в немалой степени способствовал кризис «светских идеологий» (прежде всего, западного либерализма и коммунизма), побудивший широкие мусульманские массы обратиться к более близким им по духу, по менталитету, сугубо религиозным ценностям. Ведь за четырнадцать веков ислам стал как бы неотъемлемой и значимой составной частью повседневной жизни мусульманских народов, причем единой составной частью для различных этносов. В этом проявляется сила ислама и, быть может, так возникает насыщенная питательная среда для активизации исламского фактора. В результате в мусульманском мире постепенно начали выкристаллизовываться исламистские партии, движения и организации, многие из которых объявили своей целью свержение секуляристских режимов и укрепление позиций ислама.

Напряженная обстановка в мире ислама, локальные и региональные войны и конфликты в Азии, Африке и Европе являются дополнительным стимулом политизации ислама. Тлеющие продолжительные конфликты в Афганистане, на индо-пакистанской границе, ближневосточный конфликт с шестидесятилетней историей, «искусственно созданный» кровопролитный конфликт в Ираке с неясными перспективами — все эти процессы способствуют политизации, а точнее радикализации ислама. В частности, религиозный фактор в палестино-израильском противостоянии долгое время не играл существенной роли, в отличие от периода еврейско-арабского противостояния, до создания государства Израиль, когда борьбу палестинских арабов направлял религиозный деятель — муфтий Иерусалима Хадж Амин аль-Хусейни, широко пользовавшийся религиозными лозунгами для мобилизации местного арабского населения[12].

[11] См.: *Жданов Н.В.* Исламская концепция миропорядка. М., 2003. С. 49, 64.

[12] *Звягельская И.* Религиозный фактор в палестино-израильском конфликте // Религия и конфликт / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М., 2007. С. 155.

Как отмечает И. Звягельская, «палестинское движение сопротивления, оформившееся к началу 60-х гг. XX в., было по своей сути светским. Его руководители, будучи арабскими националистами, искали идейные основания в социалистических теориях, порой увлекались марксизмом и левачеством и связывали свою политическую судьбу с ориентацией на СССР и другие социалистические страны (частью по идейным соображениям, а частью по расчету). Далеко не все палестинские арабы были мусульманами. Среди них относительно высок был процент христиан»[13]. Хотя «Братья-мусульмане» и другие радикальные исламские организации имели влияние, Организация Освобождения Палестины, признанная единственным законным представителем палестинского народа, рассматривала их скорее как соперников за влияние на массы, чем как возможных союзников.

Кстати, сионистское движение зародилось в конце XIX в. как светское, причудливо объединив социалистов («бундовцев»), марксистов, народников, либералов, консерваторов.

Как показывают события последних 30 лет, «политизация религий происходит не в традиционных, архаичных обществах, где большинство населения активно исповедует религию, ... а, напротив, в обществах, достигших высокой степени модернизации и секуляризации»[14]. Причиной этого парадоксального, на первый взгляд, явления, по мнению российского исследователя А.В. Митрофановой, является то, «что цель политизации религии — не возвращение в прошлое и не консервация архаических элементов настоящего, а стремление провести удачную модернизацию общества в самом широком смысле (от экономической до социальной и политической)»[15].

Безусловно, одной из главных причин ускорения постоянно существующего процесса политизации самой политической религии — ислама, является общемировой процесс модернизации человеческого общества. Темпы политизации соответствуют темпам модернизации, т.е. *модернизация не привела к упадку религии, а взбудоражила и активизировала ислам.*

Колоссальные перемены в материальной культуре, произошедшие в индустриальную и постиндустриальную эпохи, привели к тому, что «доктрины религиозной системы, нормативированные толкованием богословскими авторитетами священных текстов, на каком-то этапе общественного развития перестают в должной мере отвечать его потребностям. В индустриальную эпоху возрожденческие, пуританские, модернистко-реформаторские движения объективно направлены на восстановление соответствия между устаревшей богословской формой отражения бытия и новым состоянием общественного сознания, порожденным меняющейся реальностью»[16]. Исламские богословы, принимая материальную сторону западной цивилизации, решительно выступают против иной, немусульманской культуры. Имам Хомейни в разговоре с итальянской журналисткой говорил: «Вещи — это хорошая сторона Запада... Мы не боимся ни вашей науки, ни вашей техники. Мы страшимся ваших идей и ваших обычаев»[17].

Политизация ислама — это реакция на модернизацию и глобализацию. Причем воздействие модернизации и глобализации на политизацию ислама разное. История развития мусульманских государств — это волнообразное развитие: доминирование ислама переходило в подчинение религии политическим целям. В своей истории ислам проявил живучесть и удивительную гибкость. Модернизация изменила ислам, но «ислам нигде не исчез из народной культуры, социальной жизни или политического строя. Он по-разному стал проявлять себя в зависимости от характера режима, в различных вариантах сочетался с национализмом — все зависило от того, какой социальный класс приходил к власти в момент обретения независимости»[18]. Естественно, мусульманские государства широко пользуются плодами модернизации в области техники, науки, технологий. Одним из важнейших достижений мусульман-

[13] Там же.

[14] *Митрофанова А.В.* Политизация «православного мира». М., 2004. С. 42.

[15] Там же.

[16] *Левин З.И.* Хранители Слова и блюстители Духа Откровения // Фундаментализм. М, 2003. С.6.

[17] Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 5. С. 16.

[18] *Кепель Ж.* Джихад: экспансия и закат исламизма / Пер. с франц. В.Ф. Денисова. М., 2004. С. 51.

ских государств в XX в. является значительный рост образовательных учреждений и появление многочисленной национальной интеллигенции, которая не всегда находила работу на родине. Проблемой мусульманской интеллигенции стал «не отказ от модернизации, а исламизация этой модернизации»[19].

Упразднение халифата М.К. Ататюрком в 1924 г. формально привело к распаду Османской империи, самого большого и влиятельного глобального исламского центра: мусульманская умма распалась. Хотя этот институт уже не обладал реальной политической властью в масштабах всего мусульманского мира, но он поддерживал идеал его духовного единства, несмотря на то, что мир ислама был поделен европейскими колониальными державами. Исламский проект глобализации в XX в. отошел на задний план, панисламизм уступил место национализму в мусульманских странах. Воссоздание в глобальном масштабе интеграционных мусульманских структур началось в 60-х гг. XX в., вскоре после обретения многими странами независимости. Конец биполярной системы миропорядка активизировал попытки воссоздать новую исламскую концепцию глобализации. По мнению Э. Геллнера, «именно ислам способен стать глобальной политической системой, предложить альтернативный вариант глобализации»[20]. На наш взгляд, такой тезис не совсем верный. Более реалистичным является программа адаптации мусульманского мира к глобализации. Вместе с тем радикальное меньшинство будет противодействовать этому процессу. Именно на это организованное меньшинство и делают ставки вожди радикальных группировок. Идеолог «Братьев-мусульман» Сейид Кутб в своей работе «Вехи на пути» четко выразил свое отношение к западным ценностям: «Движение, исходящее из положений исламской религии, противостоит *джахилийскому* невежеству с его убеждениями и иллюзиями, на которых основываются реальные практические системы, располагающие материальным ресурсом. При этом исламское движение взаимодействует со всей этой реальностью посредством того, что адекватно ей. Ислам выступает против этой реальности, опираясь на силу и джихад с тем, чтобы уничтожить эти системы и ниспровергать тех, кто благодаря им находится у власти и которые препятствуют искоренению этих верований и представлений в народных массах, подчиняя их себе путем насилия и обмана, заставляя их поклоняться не их Всеславному Господу...»[21].

Влияние фундаменталистов в исламском мире возрастает. Это наглядно видно на примере наиболее европеизированных Турции, Алжира, Туниса. «В мире ислама проснулась прежняя мощная сила, которая стала проявляться в агрессивных актах, свойственных мусульманам с момента возникновения этой религии»[22], — заявляет российский исследователь И.Б. Орлов.

Постулаты современного ислама почти целиком базируются на фундаментальных основах, выработанных в VII–XII вв. Конечно, было взято не все. В частности, был отброшен один из главных постулатов пророка о благожелательном отношении к «людям Писания», т.е. к иудеям и христианам. Учения идеологов ислама самых разных эпох также обогатили социальную доктрину ислама.

Умеренные исламисты не смогли предложить достойного ответа на глобализационный вызов Запада. Прошедший в Малайзии в 2003 г. Международный форум исламских ученых на тему «Ислам в век глобализации» декларировал, что понятия «ислам», «прогресс», «развитие передовых технологий и научной мысли» не чужды друг другу. Однако заимствование западных политических институтов и технологий является чисто внешним и служит попыткой совместить в рамках «исламской модели» трех принципов: демократии, стабильности и безопасности[23].

Глобализация как закономерный и неизбежный процесс не воспринимается мусульманским миром, хотя современная исламизация является частью процесса глобализации. Если одна часть исламистов пытается создать некий глобальный проект

[19] *Roy O.* Genealogia de l`islamisme. P. 62–63; Islam: Muslims and Modern State. L., 1996. P. 285.

[20] *Gellner E.* Religion and the Profane // News Letter. 1997. July–October.

[21] *Кутб С.* Отрывки из книги «Вехи на пути» // Исламская интеллектуальная инициатива XX века / Сост. и комм. А. Ежова; под ред. Г.Д. Джемала. М., 2005. С. 279.

[22] *Орлов И.Б.* Глобализация и/или исламизация? // Мусульманский опыт миростроительства: базовые цели и ценности, формы познанияи социокультурной организации. Вып. 5: Исторический опыт и российская ситуация. М., 2007. С. 73.

[23] См.: там же. С. 74.

исламизации, то другая часть пытается встроить исламский мир в уже идущие глобализационные процессы и на определенном этапе превратить в исламскую умму весь мир. Для мусульманина государственно-национальная принадлежность менее значима, чем его принадлежность к *умме* (мусульманской общине). Радикальные исламисты хотят не догнать, а уничтожить ненавистный им Запад. «Исламская религия не является декларацией освобождения только арабов, и ее миссия не касалась только арабов. Темой этой программы стал человек вообще, род человеческий, а сферой ее приложения является земля, вся земля. Аллах, хвала Ему, не является Господом одних только арабов. Более того, Он даже не является Господом исключительно тех, кто исповедует ислам. Аллах — Господь всех миров. Исламская религия имеет своей целью обратить всех обитателей этого мира к их Господу и избавить их от порабощения и поклонения кому-либо, кроме Аллаха»[24], — таково мнение Сейида Кутба. Он же утверждает, что исламское возрождение не может быть начато без религиозной, а успешно продолжено и завершено без политической революции[25].

В академической среде нет единого мнения о причинах политизации религии и ислама в частности. В политологии, философии и публицистике часто политизацию отождествляют с радикализацией. На наш взгляд, радикализация — крайняя форма политизации ислама. Российский исследователь Р.Л. Ланда выделяет 6 «факторов радикализации ислама»:

1) давняя традиция противостояния Западу, ничуть не ослабляющаяся с годами и даже закрепляющаяся в колониальный и постколониальный период;

2) ограниченный, локальный, незавершенный характер модернизации и «вестернизации» Востока в целом, мусульманского — в особенности;

3) разочарование широких масс мусульман в политике светских националистов, и тем более их социалистического крыла, неспособных справиться с тяжестью постколониальных проблем в странах ислама;

4) отторжение в их сознании всего, что было связано с опытом светских националистов, т.е. западных административных, юридических, идеологических образцов, включая социализм, либерализм, демократические представления, как якобы «импортных идеологий»;

5) возникновение и быстрое распространение идей исламского фундаментализма как реакции на «вестернизацию» мусульманского общества, хоть и ограниченную, но все же подрывавшую монополию ислама в социальной и духовной сферах жизни;

6) небывалый рост социальной напряженности, стимулировавший этот процесс вследствие расслоения и поляризации мусульманского общества в ходе пауперизации деревни, неконтролируемой урбанизации и гигантских масштабов маргинализации урбанизированного населения[26].

Интересную интерпретацию причин политизации ислама предложил иранский исследователь Мехти Санаи:

1. «Продолжительная борьба различных мусульманских народов за суверенитет и свободу в течение ...столетий от западных держав ... еще не достигла цели и, следовательно, в будущем потребует дальнейшей политизации мышления мусульман»;

2. «Стимулирующим эту тенденцию фактором является наличие глобальных экономических, стратегических и политических интересов «западного» мира в традиционных исламских территориях. Но самым главным фактором является то, что между исламом как комплексной программой для урегулирования жизни человека и политикой как необходимым средством для осуществления этой программы существует органическая связь»;

3. «Если атрибутом политики считать умение жить и работать совместно с другими, то из пяти столпов ислама (таухид, намаз, пост, закят и хадж) четыре отражают более предпочтительное отношение ислама к морали, возвышению духа сотрудничества и групповой сплоченности между его последователями»;

4. «Если исходить из позиции тех, которые считают стремление к достижению власти атрибутом политики, то следует признаться, что очень трудно найти другое мировоззрение, более политическое, чем ислам. Ислам, считающий саму человеческую природу связанной с его естественными и духов-

[24] *Кутб С.* Отрывки из книги «Вехи на пути». С. 283.

[25] См.: www.qutb.org

[26] *Ланда Р.Г.* Причины и факторы радикализации ислама // Ислам на современном Востоке / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий и А.З. Егорин. М., 2004. С. 193–194.

ными потребностями, никогда не согласится с отказом от пояснения и комментирования своих стремлений, тем более что он всегда стремится к реализации этой цели»;

5. «Среди общественных обязанностей мусульман самой главной следует считать «поощрение дозволенного и предостижение недозволенного» в мусульманском обществе ...и защита ислама. Но выполнение этих обязанностей возможно при наличии власти, которая даже если полностью не привержена исламу, то хотя бы проявляет заинтересованность и благожелательность к его целям. ...

Все перечисленные факторы являются чисто теоретическими и потенциальными элементами, которые свидетельствуют в пользу политизации сознания мусульман. Эти даже самые предварительные убеждения, логически требуют, чтобы каждый мусульманин являлся и политическим индивидом»[27].

Мехти Санаи представляет шиитское направление в исламе и выступает с позиций этого направления в исламе. Нам кажется интересной мысль автора о постоянной и неразрывной связи ислама с политикой; «мусульмане традиционно редко рассматривают политику отдельно от других наук и связанных с ней познавательных процессов. Такие вопросы, как сущность, разновидность и элементы власти (правления), качества правителя, ограничение его власти и права подданных, всегда были комплексной частью фикха и калама, рассматривались под эгидой и в пределах шариата»[28].

Этническая и конфессиональная пестрота почти всех стран ислама также может являться фактором политизации религии, «когда гегемонистские претензии и «исторические права» господствующего или просто более сильного этноса сталкиваются с «исторической памятью», обидами и сопротивлением ущемляемого этноса или этноконфессии»[29]. Примерами этому являются: проблемы китайцев и мусульман-моро на Филиппинах; китайцев и индийцев в Малайзии и Индонезии; бехаитов и секты Ахмадийе в Пакистане; курдов и других меньшинств в Ираке, Иране и Турции (меньше — ассирийцев в тех же странах); туркменов в Иране; таджиков, узбеков, туркменов и шиитов-хазарейцев в Афганистане; коптов в Египте; южных нилотских племен в Судане; берберов в странах Магриба.

Этнические противоречия тесно связаны с религиозными. Во-первых, они нередко совпадают, усиливая друг друга. А во-вторых, недоверие по этническим мотивам нередко влечет и религиозное отчуждение. Баширов Л.А. в связи с этим отмечает, что «религиозная общность не отменила этническую общность, исповедуя одну и ту же религию люди продолжают идентифицировать себя не только по религиозному, но и этническому признаку; последний, порой, оказывается сильнее первого»[30].

Таким образом, этнические различия и межэтнические разногласия, в том числе конфликты, также могут способствовать политизации ислама.

Многие исследователи главную причину политизации ислама видят в неудачной модернизации в мусульманских странах (А.В. Митрофанова, З.И. Левин, Д. Эспозито, М.З. Хусейн и др.).

«Модернизация, — пишет Д. Эспозито, — не просто не привела к прогрессирующей секуляризации, но и стала главным фактором возрождения ислама в мусульманских обществах»[31]. Процесс модернизации может способствовать решению экономических и в некоторой степени социальных проблем, но не способен ответить на многие вопросы политического, идеологического и культурного характера. Идеологи современного политического ислама не могут найти ответ на вопрос: «Если наша вера правильна, если мы более праведны, чем остальной мир, почему мы находимся в упадке?!». И действительно, мир ислама, который на протяжении Средневековья был лидером военным и политическим, экономическим и культурным, в Новое время сдал свои позиции. Причем не только Западу. После Второй мировой войны поднялась Япония, затем в лидеры пробились «азиатские тигры» — Сингапур, Тайвань, Южная Корея, Гонконг. Успех некогда отсталых регионов стал горьким укором для мусульманского мира. Оказалось, что исламские страны собственными силами не могут освоить даже богатства, которыми владеют по счастливому

[27] *Санаи М.* Политическая мысль в исламском обществе // Иран: ислам и власть. М., 2001. С. 6–7.

[28] Там же. С. 8.

[29] *Ланда Р.Г.* Причины и факторы радикализации ислама // Ислам на современном Востоке. С. 194.

[30] *Баширов Л.А.* Ислам в контексте этнополитических процессов в современной России. М., 2008. С. 43.

[31] *Esposito J.L.* The Islamic Threat. N.Y.; Oxford, 1992. P. 23.

стечению обстоятельств, — залежи углеводородов. Приходилось приглашать западных специалистов с их технологиями и организационными навыками, чтобы поставить бизнес, на котором зарабатывают сегодня отдельные страны и семьи мусульманского мира. Чтобы обеспечить преемственность и воспроизводство запущенной деятельности, пришлось в систему профессиональной подготовки и общего (не религиозного) образования, допустить стандарты и методики западных стран.

В совместном докладе 2002 г. о развитии человеческих ресурсов в арабских странах ПРООН и Арабского фонда экономического и социального развития подводятся итоги исследования состояния дел в 22-х арабских странах с населением 300 млн. Цифры удручающие: на 300 млн человек в год переводится 330 книг, что в 1000 раз меньше, чем переводят одни только испанцы. Четверть населения этой части планеты, богатой углеводородами, существует менее чем на 2 долл. в день. Половина арабской молодежи стремится эмигрировать[32].

Экономическая отсталость всего мусульманского мира характеризуется следующими цифрами: исламские страны, составляя пятую часть населения земного шара, обладая 70% мировых энергоресурсов и 40% сырья, имеет общий валовый национальный продукт, не превышающий 5% мирового валового продукта[33].

Ущербность геостратегического мышления лидеров исламского мира наблюдается отнюдь не со времен османов. Один из примеров «инфантилизма геополитического мышления мусульман, ответственных за судьбы своего проекта» приводит Гейдар Джемаль в своей статье под говорящим названием «Исламский проект: борьба за историю» упрекает знаменитого автора «Возрождения наук о вере» аль-Газали, написавшего огромное количество трудов по самым разным сторонам знания, в том, что он ни словом не обмолвился о судьбе Иерусалима, захваченного крестоносцами за пятнадцать лет до его смерти. А ведь это было грандиозное событие, фундаментальная катастрофа для исламской цивилизации, ибо Иерусалим — аль-Кодс — изначально есть третья святыня ислама и направление первой киблы при молитве до переориентации на Каабу. Третья святыня ислама — в руках беспощадных врагов, а крупнейший ученый своего времени не находит нужным в течение пятнадцати последних лет своей жизни даже случаем упомянуть об этом ударе для мировой уммы![34].

Сам собой напрашивается вопрос, вот уже многие десятилетия волнующий исламскую элиту: *что и в какой момент пошло не так?* Именно этот вопрос вынес на обложку своей известной книги «столп американского исламоведения» Бернард Льюис, рассуждая о перипетиях исламской политики[35]. Распространенный ответ — все дело в самом исламе. Мол, если бы не ригоризм этой религии, все было бы по-другому. На это, по сути, обвинение существует ответ: мусульмане VII–X вв. были гораздо ближе к исламу, чем современные нам, и жили по шариату, а не светскому праву, созданному по французскому и англосаксонскому образцам. При этом они были лидерами ойкумены. Отсюда вывод: надо вернуться к истокам. Сегодня этот тезис взят на вооружение и фундаменталистами и лидерами политического ислама. И это не примитивный ответ, как думают многие, ведь и пророки Ветхого Завета объясняли страдания, выпавшие на долю еврейского народа, только одним — вероотступничеством. Поэтому, когда «униженные и оскорбленные» слышат призыв «вернемся к основам и вновь станем лидерами!», им трудно его игнорировать. К сожалению, опыт стран, попытавшихся в XX в. претворить в жизнь эту формулу, продемонстрировал обратный результат. Ни Судан, ни Афганистан не обрели ни конструктивной интеллектуальной мощи, ни экономического процветания, которые позволили бы им конкурировать с Западом. Наоборот, в результате прямого перехода на нормы шариата, осуществленного не рефлексивно, а буквалистски, произошла архаизация общества и экономики: общество скатилось в своем развитии назад[36].

Гейдар Джемаль считает, что все цивилизационные проблемы ислама объясняются прежде всего «свернутостью теологии». Он раскрывает свою

[32] См.: *Градировский С.И.* Ислам и политика в поисках формы // Ислам в России: взгляд из регионов / Науч. ред. А.В. Малашенко. М., 2007. С. 10–34.

[33] См.: там же.

[34] См.: *Джемаль Г.* Манифест нового Интернационала. М., 2003.

[35] *Льюис Б.* Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм. М., 2003. С. 14.

[36] См.: *Градировский С.И.* Указ. соч.

мысль на примере установления границы *бид`а* (нововведений). Действительно, *алимы* (ученые) во все времена резко возражали против нововведений, но речь у алимов идет о нововведениях в исламской вере, в области акыда и ритуальных практик. Интерпретаторы же распространили отрицание бид`а и на обыденную жизнь, возражая, к примеру, против технического прогресса. Перенесение неприятия инноваций с ритуала на научно-хозяйственную деятельность как раз и означает смешение «внутреннего» и «внешнего». Разработка данного различения с опорой на Коран и Сунну и есть прямой долг исламских теологов[37].

Мусульманский мир не может смириться с тем, что «то, на чем строится их быт, — машины и оборудование, нормы строительства и современные материалы, образование и здравоохранение, организация военного дела и оружие — спроектировано и создано на Западе, на том самом Западе, который, по мнению исламского мира, катится к катастрофе, потому что изменил первоначальному Откровению, подменил Его, исказил, в одностороннем порядке разорвав условия контракта, т.е. Завета. Почему нравственно падшие помыкают теми, кто остался верен духу и букве Закона? Такой диссонанс не может не задевать и не беспокоить мусульман»[38]. Отсюда, поиск виноватых и желание выйти на передовые позиции по социально-экономическому развитию. В число виноватых включают монголов, разгромивших Багдадский халифат в XIII в., турок и, наконец, европейцев с их колониальной политикой. Однако получение независимости в постколониальный период не принес процветания. Националистическая идеология, на чем базировалась идеология новых государств, так же, как и социалистическая доктрина, уже в 70-е гг. XX в. переживает кризис. Начинается мучительный поиск альтернативного (западному миру) пути развития. Деколонизация принесла «цепочку обшарпанных тираний, — с горечью замечает Бернард Льюис, — которые так и не смогли предложить своим подданным ни одного реального проекта модернизации»[39]. Конечно, несколько удивительных исключений все же есть: Малазийское чудо и впечатляющие проекты развития отдельных эмиратов Персидского залива.

Таким образом, политизация ислама — это реакция мусульманского мира на глобальные вызовы, непосредственно затрагивающие экономический, политический и идеологический аспекты развития мусульманского сообщества (уммы).

Политизация ислама в России происходила по тем же причинам, что и в остальном мире, однако данный процесс имеет ряд особенностей. На политизацию ислама в России повлияли как внутренние (крах социалистической системы), так и внешние (глобализация и активизация международных исламских организаций) факторы.

Итак, основными причинами политизации ислама во второй половине XX — начале XXI в. являются:

1. Непараллельная модернизация в странах Запада, с одной стороны, и мусульманского Востока — с другой.

2. Социальные проблемы, невозможность их быстрого разрешения, поиск внешней причины социальных «бед».

3. Поиск новой глобальной альтернативы богатому Западу.

4. Поиск глобальной альтернативной идеологии.

5. Сопротивление глобальной западной масскультуре и поиск альтернативной интеграционной духовно-культурной системы.

6. Кризис политических систем в мусульманских странах и поиск новых форм взаимоотношений государства и религии. Попытки обновления политических структур и систем за счет идеологического потенциала ислама.

7. Ответная реакция ислама на агрессивное проникновение христианских ценностей в мусульманский мир.

8. Разрушение социализма как идеологии, поиск мусульманскими странами «социалистической ориентации» новой политико-правовой, идеологической и культурной системы.

9. Неудачи исламистов в Афганистане, Палестине, Чечне, Ираке способствовали активизации исламских организаций в мире и стали еще одним толчком к радикализации ислама.

© Семедов С.А., 2009

---

[37] См.: *Джемаль Г.* Исламская интеллектуальная инициатива в XX веке. М., 2005. С. 11.

[38] *Градировский С.И.* Указ. соч.

[39] *Льюис Б.* Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм. С. 173.